

УДК 882 (092)

МОДУС И ДИКТУМ В АНОМАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ МИРА

Радбиль Т.Б.

*ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
Министерства образования и науки РФ, Нижний Новгород, e-mail: timur@radbil.ru*

В работе рассматривается проблема нейтрализации оппозиции модуса и диктума в структуре высказывания, что трактуется автором как разновидность аномальной языковой концептуализации мира. Используются методы логического анализа естественного языка и дискурс-анализа на материале художественной речи Андрея Платонова. Выявлены такие виды аномальной вербализации модусно-диктумных отношений, как номинализация диктума, номинализация модуса, элиминация модуса и др., что выражает такую важную черту поэтики А. Платонова, как «онтологизация кажимости». Доказано, что языковые механизмы подобной аномализации имеют значительный потенциал эстетической выразительности в среде художественного текста.

Ключевые слова: модус, диктум, языковая концептуализация мира, Андрей Платонов, русский язык

MODUS AND DICTUM IN ANOMALOUS LANGUAGE CONCEPTUALIZATION OF THE WORLD

Radbil T.B.

N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, e-mail: timur@radbil.ru

In the work a problem of neutralization of opposition between modus and dictum in sentence structure referred by the author to as a kind of anomalous language conceptualization of the world is treated. Methods of logical analysis of natural language and discourse-analysis are applied. The material of analysis is Andrey Platonov's prose language. Such types of anomalous verbalization of modus-dictum relations as dictum nominalization, modus nominalization, modus elimination etc. are exposed. These anomalies express the important feature of Andrey Platonov's poetics which can be termed as "ontologization of seemness". It is proved that language mechanisms of such anomalization have considerable potential of esthetic expressiveness in the medium of a literary text.

Keywords: modus, dictum, language conceptualization of the world, Andrey Platonov, Russian language

В любом естественном языке имеются высказывания, которые производят впечатление «странных», аномальных, порою даже «бессмысленных» высказываний, явным образом оцениваемых в качестве девиантных любым «средним» носителем языка, но при этом не нарушающие очевидных системно-языковых закономерностей. Вообще говоря, как это было показано в наших работах [6], многие отклонения, возникающие при переходе от системы языка к ее текстовой реализации, есть не что иное, как вербализация аномальных процессов в области мысли. Иными словами, эти высказывания являются речевой актуализацией отклонений от принятого в данном языковом сообществе способа *языковой концептуализации мира*, как она трактуется в работе академика Ю.Д. Апресяна [1] – см. наше развитие этих идей, например, в [7].

Однако при всей их странности или девиантности, как показал художественный опыт XX века, подобные явления имеют значительный потенциал художественной выразительности, будучи порою единственно возможным и даже необходимым средством языковой концептуализации нетривиального, диалектически противоречивого и многослойного содержания: «Говорящий может прибегать к таким высказываниям для изображения раздвоенного, внутренне

противоречивого сознания или для высказывания глубокой, но антиномичной истины» [4, с. 450].

Особенно это справедливо для художественной системы одного из самых сложных и загадочных писателей XX столетия – Андрея Платонова. Далее речь пойдет только об одном виде подобных аномалий языковой концептуализации мира, которые, на наш взгляд, являются весьма репрезентативными именно в плане реализации сложных отношений объективной реальности и человеческой мысли в точке их взаимного притяжения – художественном высказывании. Условно назовем их «аномалии модуса и диктума».

Цель исследования

Цель настоящего исследования – описание некоторых типических случаев аномальной актуализации модусно-диктумной семантики высказывания в аспекте проблемы аномальной языковой концептуализации мира применительно к специфике ее воплощения в художественной речи.

Материалы и методы исследования

В качестве языкового материала для анализа используются тексты основных романов и повестей Андрея Платонова «Котлован», «Чевенгур», «Счастливая Москва», «Ювенильное море», «Сокровенный

человек», а также некоторых рассказов, которые интересны прежде всего тем, что рассматриваемые языковые аномалии приобретают в них определенную эстетическую значимость в плане выражения особой «художественной философии» писателя.

В работе используется метод постклассического логического анализа естественного языка и метод комплексного когнитивно-дискурсивного анализа художественного текста, направленный на выявление языковых и текстовых сигналов аномалий в области языковой концептуализации мира.

Результаты исследования и их обсуждение

Высказывание естественного языка, как известно, представляет собой единство выражаемого им объективного содержания действительности, некоторого положения дел и субъективного отношения к выражаемому содержанию. В традиции, восходящей к Ш. Балли, указанные составляющие значения высказывания принято именовать «диктум» (объективное содержание высказывания, пропозиция) и «модус» (субъективное отношение к объективному содержанию, пропозициональная установка) [3].

«Диктум» в синтаксической структуре высказывания эксплицируется обязательно, а модус может быть представлен как эксплицитно, так и имплицитно. Эксплицированный модус включает в себя **модальный субъект** (говорящий или какое-либо иное лицо) и **модальный предикат**, который задает специфическое модальное значение модуса. Экспликация модуса осуществляется посредством вводных слов с модальной семантикой либо главной предикативной частью сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным, которая включает в себя модальный предикат в качестве сказуемого.

В концепции Н.Д. Арутюновой значения эксплицитного модуса распределены по следующим основным планам: **перцептивному** (сенсорному), **ментальному** (когнитивному, эпистемическому), **эмотивному** и **волеизъявительному** (волитивному).

К сенсорному плану принадлежат модальные предикаты чувственного восприятия: *видеть, слышать, чувствовать, замечать, ощущать, слышно, видно* и др. К ментальному плану принадлежат модальные предикаты, выражающие:

1) полагание (мнение): *думать, считать, полагать, представляться, казаться* и пр.;

2) сомнение и допущение: *сомнительно, возможно, может быть* и пр.;

3) истинностную оценку: *правда, ложь, верно, неверно, невозможно, невероятно, не может быть* и др.;

4) знание: *знать, быть известным*;

5) незнание, сокрытие и безразличие: *не знать, неизвестно, тайна, секрет, все равно, не существенно, еще вопрос, трудно сказать, еще не решено, не берусь судить* и т.п.;

6) общую аксиологическую оценку: *хорошо, плохо, дурно, скверно*.

К эмотивному плану принадлежат модальные предикаты эмоционального состояния и отношения: *грустно, жаль, противно, радостно* и т.п. К волитивному плану относятся модальные предикаты:

1) желания и волеизъявления: *хотеть, требовать, приказано, велено* и др.;

2) необходимости: *необходимо, нужно* [2, с. 109].

Модель адекватной языковой концептуализации действительности посредством естественного языкового высказывания в норме предполагает обязательное разграничение модального и диктального планов семантики высказывания, которое предстает как принципиальное различие двух сфер бытия – идеальной (ментальной, концептуальной) и реальной (онтологической, субстанциональной). Однако в речевой практике носителей языка возникают определенные условия для разного рода нарушений указанного разграничения. В результате возникают явления, которые, согласно нашей типологии языковых аномалий в [8], трактуются как разновидность *аномалий языковой концептуализации мира*. Языковые механизмы подобной аномализации имеют значительный потенциал эстетической выразительности в среде художественного текста.

I. В качестве одного из наиболее распространенных, на наш взгляд, механизмов неразграничения модусного и диктумного планов содержания высказывания выступает явление, обозначенное нами как аномальная **номинализация диктума**. Номинализация диктума представляет собой аномальное сворачивание развернутой предикативной конструкции, в норме должноствующей эксплицировать диктум, в отглагольное имя, что приводит к указанному выше неразграничению двух планов содержания высказывания:

1) ... *она сидела в школе у окна, уже во второй группе, смотрела в смерть листьев на бульваре...* («Счастливая Москва») [= *она смотрела, как умирают листья на бульваре*].

Здесь посредством лексемы *смерть* номинализована диктумная часть *как умирают листья на бульваре* при модусной части *смотрела*: **она смотрела, как умирают листья на бульваре*. В результате в одном словоупотреблении нейтрализуются две се-

мантические функции глагола *смотреть* – описание перцептивного действия / состояния ‘смотреть на/в что-л.’ и выражение пропозициональной установки говорящего ‘смотреть, как Р.’.

На этой основе возможна и аномальная номинализация диктумной предикативной конструкции, осуществленная не в отглагольное имя, а в отвлеченное отадекватное:

2) *Захар Павлович последил за ним глазами и с чего-то усомнился в драгоценности машин и изделий выше любого человека* («Чевенгур») [= *усомнился, что драгоценность машин и изделий выше драгоценности любого человека*].

Здесь номинализация диктумной части **драгоценности машин и изделий выше драгоценности любого человека* осуществляется посредством лексемы *драгоценность*. При этом также нейтрализуются две семантические функции глагола *усомниться* — описание ментального состояния ‘усомниться в чем-л. / ком-л.’ и выражение пропозициональной установки ‘усомниться, что Р.’.

Максимум аномальности для подобных выражений достигается в случае использования для номинализации диктумной части конкретного существительного, в норме не имеющего никакого потенциала для номинализации предикативной части:

3) *... кто-то не понял кошки* («Чевенгур») [= *кто-то не понял, что это была кошка*].

Здесь также не разграничивается семантика глагола *понимать* в значении ментального состояния ‘понимать кого-л. / что-л.’ и в функции пропозициональной установки ‘понимать, что Р.’.

Тем самым при концептуализации говорящим указанных ситуаций (1) – (3) возникают условия аномального смешения двух «возможных миров» – мира ментального восприятия и мира реального события.

II. Подобное смешение возникает и при прямо противоположных условиях, а именно при **номинализации модуса**. Номинализация модуса представляет собой аномальное сворачивание главной предикативной части в функции пропозициональной установки или – шире – любого показателя модусной семантики в отвлеченное имя:

4) *Через десять минут последняя видимость берега растаяла* («Сокровенный человек») [= *через десять минут он увидел, как берег растаял*].

В результате получается, что из сферы наблюдателя исчезает не субстанциональный объект *берег*, но ментальная проекция его свойства ‘быть видимым’, представленная в виде субстанционального объекта того же мира, что и *берег*.

Ср. также, как в языке А. Платонова может онтологизоваться в объективном мире перцептивное свойство – ‘быть незримым’ в качестве «самостоятельной» чувственно воспринимаемой субстанции:

5) *Он осмотрелся вокруг – всюду над пространством стоял пар живого дыхания, создавая сонную, душную незримость...* («Котлован»).

III. Эффект неразграничения двух «возможных миров» – концептуального мира говорящего и мира реальных событий может быть достигнут путем простой **элиминации модуса**. Элиминация модуса проявляется в пропуске предикативного компонента высказывания, отвечающего за экспликацию модусной части:

6) *В горне кузницы давно уже вырос лопух, а под лопухом лежало куриное яйцо, наверное, последняя курица спряталась от Кирея сюда, чтобы снести, а последний петух где-нибудь умер в темноте сарая от мужской тоски* («Чевенгур»).

Отсутствие логической связности выделенного фрагмента с начальным заставляет нас предположить, что здесь пропущен **модальный оператор**, переводящий план изображения из сферы объективного изложения событий повествователем в сферу мыслительной активности героя (Кирея): *В горне кузницы давно уже вырос лопух, а под лопухом лежало куриное яйцо, [и Кирей подумал]: наверное, последняя курица спряталась от Кирея сюда, чтобы снести, а последний петух где-нибудь умер в темноте сарая от мужской тоски*.

В результате устанавливаются ложные причинно-следственные связи между явлениями, локализованными в принципиально разных мирах – в мире реальном и в мире ментальном – ср. аналогично:

7) *Через два дня Москву Честнову освободили на два года от летной работы вследствие того, что атмосфера — это не цирк для пуска фейерверков из парашютов* («Счастливая Москва»).

Здесь в слово Повествователя проникает отраженным эхом чья-то чужая речевая позиция (скрытая цитата), но ее субъектный источник не определен. Аномалия снимается, если включить в дискурс глагол пропозициональной установки, который «включает» возможное основание для установления детерминации посредством причинного союза *вследствие того, что*, например: *Через два дня Москву Честнову освободили на два года от летной работы вследствие того, [что решили], что атмосфера — это не цирк для пуска фейерверков из парашютов*.

Многочисленные аномалии неразграничения модусного и диктумного планов

в художественной речи А. Платонова связаны, на наш взгляд, с такой важной чертой его художественного мира, которую мы определили как «**онтологизация кажимости**» [9, с. 251]. В целом концептуальный и языковой механизм «онтологизации кажимости» можно показать на следующем примере:

(8) *После похорон в стороне от колхоза взошло солнце, и сразу стало пустынно и чуждо на свете; из-за утреннего края района выходила густая подземная туча («Котлован»).*

Обратим внимание, что здесь устранен модус сравнения: [как бы] *подземной*, [словно] *из-под земли*, – и мир ментальный, т.е. мир метафоры в концептосфере говорящего, становится миром реальным. Ср. аналогично:

(9) *Город опускался за Двановым из его оглядывающихся глаз в свою долину...» («Чевенгур»).*

Город одновременно присутствует в двух возможных мирах — в реальном пространстве и в пространстве ментального восприятия (что само по себе в принципе нормально), но при этом может каким-то образом «перетекать» из одного в другой. Стирается условная граница, дистанция между планом субстанции и планом ее восприятия: два этих возможных мира помещаются в одну плоскость взаимодействия.

Нетрудно видеть, что подобные явления связаны с целым комплексом условий, по-разному нарушающих естественные языковые принципы актуализации модусно-диктумной структуры высказывания.

Заключение

Мы пришли к выводу, что аномальная вербализация модусно-диктумных отношений в языке А. Платонова представляет собой эффективное художественное средство воссоздания «странного» художественного мира по модели мифа, где не разграничено реальное и гипотетическое, где пространство мира и пространство мысли находятся

в отношениях «свободного» взаимопроникновения.

Модели подобных аномалий издавна апробированы и востребованы в мировой культуре: «Сложность и катастрофичность человеческой экзистенции, непознаваемость и иррациональность мира, ощущение его бессмысленности обеспечивают постоянный механизм регенерации в культуре моделей **аномальной языковой концептуализации мира** (абсурд, гротеск и пр.), своего рода «прототипические образцы» последовательно аномального, альтернативного рационально-логическому взгляду на мир и мыслительного освоения действительности» [5, с. 265].

В этом смысле мы можем говорить и о необычайной эвристичности аномалий языковой концептуализации мира, которые оказываются единственным возможным и даже необходимым средством языковой концептуализации нетривиального, диалектически противоречивого и многослойного содержания.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. – М.: Наука, 1986. – Вып. 28. – С. 5–33.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 339 с.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 383 с.
4. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 574 с.
5. Радбиль Т.Б. Аномалии в сфере языковой концептуализации мира // Русский язык в научном освещении. – 2007. – №1 (13). – С. 239–266.
6. Радбиль Т.Б. Норма и аномальность в парадигме «реальность – текст» // Филологические науки. – 2005. – № 1. – С. 53–63.
7. Радбиль Т.Б. О концепции изучения русского языкового менталитета // Русский язык в школе. – 2011. – № 3. – С. 54–60.
8. Радбиль Т.Б. Языковая аномальность в русской речи: к проблеме типологии // Русский язык в научном освещении. – 2006. – №1 (13). – С. 77–100.
9. Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте. – М.: Флинта, 2012. – 322 с.